

УДК 81.1

ОБРАЗ СВЯТОГО КАК КЛЮЧЕВАЯ ФИГУРА ТЕКСТА ЖИЗНЕОПИСАНИЯ (языковые особенности выражения)

И. В. Грекова

THE IMAGE OF A SAINT AS A KEY FIGURE IN A BIOGRAPHY TEXT (linguistic features of a phrase)

I. V. Grekova

В статье рассматривается языковая реализация образа святого в тексте жизнеописания. Показывается зависимость различных средств концептуального составляющего образа миссионера от жанра. Описывается взаимодействие языковых средств друг с другом, которые, функционируя комплексно, организуют концепт святости. Выявляются типичные, доминирующие качества личности преподобного. Делается акцент на антиномийном характере образа человека как центрального фрагмента языковой картины мира религиозного дискурса.

This article is devoted to language implementation of a saint's image in a biography text. The dependence of various conceptual components of a missionary's image on the genre is revealed. The interaction of language tools that are intergrated to organize the concept of holiness is described. Typical and predominant features of a saint's personality are revealed. The antinomic character of the image of a man as a central fragment of the picture of the world in religious discourse is emphasized.

Ключевые слова: текст, жизнеописание, концепт святости, образ святого.

Keywords: text, biography, concept of holiness, image of a saint.

В настоящее время многие лингвисты все чаще обращают свое внимание на тексты религиозного содержания, ставшие достоянием широкого круга российского населения. Значительное место среди подобных текстов занимает житийная литература, которая описывает жизнь подвижников, причисленных церковью к лику святых в XX – начале XXI вв. Эти произведения стали относить к жанру жизнеописания, своей основой восходящих к древнерусскому житию. Данные тексты изучаются с разных точек зрения. Одним из важных направлений является описание образа святого через концептуальную сферу религиозного сознания и его языковая репрезентация в текстах.

Целью данной статьи является рассмотрение репрезентации в тексте жизнеописания образа святости с опорой на лингвоантропологические исследования, в которых предстает описание языкового образа человека как центрального фрагмента языковой картины мира.

Значимым для нас является то, что лингвокультурология изучает язык и культуру в их взаимодействии (В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов и др.). С этим направлением тесно связаны этнолингвистика, когнитивная лингвистика и социолингвистика.

Отметим, что в современной лингвоантропологической семантике существует несколько аспектов изучения языкового образа человека. От одноаспектных до многоаспектных интерпретаций образа человека в языке (Г. А. Золотова, Л. А. Уфимцева, М. П. Одинцова, Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, Ю. Н. Караулов и др.).

Во всех названных обобщенных моделях человека он характеризуется как субъект, являющийся центром двух реальностей: внешней и внутренней (положительной и отрицательной), которые в текстах агиографического характера представляют, по определе-

нию В. П. Завальникова, *антиномичный аксиологический образ человека* [6, с. 28].

В связи с верой в загробную жизнь в христианстве культивируются такие внутренние нравственные качества человека, как *праведность, доброта, жертвенность, самоотречение, любовь к ближнему* и т. п. Безусловно, эти составляющие актуализируются и в текстах жизнеописаний, где на примере образа святого выстраивается модель идеализированного облика человека.

Конечно, наиболее полно рассмотреть репрезентацию образа человека в языке, его связь с культурой и мышлением невозможно, на наш взгляд, в рамках какого-то одного направления. Поэтому необходимо интегрировать разные направления лингвоантропологии (работы В. П. Завальникова, О. В. Коротун, Л. Б. Никитиной, Н. А. Седовой и др.).

Итак, при анализе лексико-семантических единиц, а также различных текстовых фрагментов, мы опираемся на лингвоантропологический описательный метод, в который входит прием вычленения анализируемых смыслов и средств их экспликации путем контекстуального анализа лексических единиц, семантических структур текста, коммуникативных параметров и привлечения нелингвистических данных [6]. Описание образа алтайского святого в русской ЯКМ обуславливает обращение к тем единицам языка, которые являются для русского национально-культурного сообщества традиционными средствами характеристики святого человека, предопределенных жанровыми особенностями, в том числе строгого агиографического канона. Такими средствами являются слова и словосочетания, связанные с понятием «святость» [11].

Через призму лингвокультурологического понимания концепта, языковой образ рассматривается как воплощение ментальной сущности, несущей на себе национально-культурный отпечаток. Следовательно, в

языковом образе человека отражена национально-культурная специфика интерпретации человека как одного из объектов внеязыковой действительности [9].

В качестве примера мы взяли «Жизнеописание преподобного Макария (Глухарева) первоапостола Алтая» [5; 7] и «Жизнеописание святителя Макария Невского» [12].

Для нас большое значение имеет такой важный признак текста, как его коммуникативная направленность. При рассмотрении текста жизнеописания с точки зрения его коммуникативности мы, в первую очередь, опираемся на понятие концептуальной структуры текста, которая словесно воплощается в нем.

Трактовке термина «концепт» посвящено большое количество работ (Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, И. А. Стернин), но единого мнения по этому вопросу еще не сформировано. Под концептом, вслед за С. Г. Воркачевым, мы будем понимать единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющих языковое выражение и являющуюся одной из единиц мышления [3]. Следовательно, концептуальное содержание сознания и текста эксплицируется именно через язык. Заметим, что концепт может и не иметь обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами.

В тексте жизнеописания концепт святости выражается при помощи номинативных полей, объединяющихся в следующие тематические блоки: благо, добро, смирение, кротость, самоотверженность, вера, учительство; благовоспитанный, благочестивый, сердечный, ласковый и т. д. Наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о высокой номинативной плотности данного участка языковой системы, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа [9].

Следует отметить, что концептуальные составляющие образа, передающие как портретное, так и внутреннее состояние святого, принимают в тексте различные формы, имеют разное категориальное значение. Если автор говорит о таком важном качестве святого человека, как «смирение», то здесь наглядно проявляется некое постоянное качество, без которого человека к лику святых причислить невозможно. Другое дело, когда автор употребляет глагол «смирился». В этом случае уже проявляется процессуальность, делается акцент на том, что человек привел себя в это качество усилием воли, показывается его духовная борьба не только с окружающим миром, но и с самим собой.

В жанре жизнеописания, как и в жанре жития, концепт святости, с нашей точки зрения, является текстообразующим. От его воплощения зависит композиционное построение текста, его идейно-семантическое содержание, а также построение самого образа святого с помощью языковых единиц, выражающих духовное содержание как главнейшее свойство человека в жизнеописании [2].

М. Н. Казеннова в концепт святости включает следующие компоненты: вера в Бога и любовь к ближнему; постоянная молитва и пост; смирение, кротость и терпение; постоянное наблюдение за своими помыслами и действиями; послушание; отсут-

ствие всякого излишества и т. д. [8, с. 93 – 100]. Перечисленные выше добродетели рождают особое отношение к смерти как началу новой жизни. Свидетельством обретения святости также является указание на различные чудесные дарования, которые обретает подвижник как награду за неустанный духовный труд. На наш взгляд, целесообразным будет добавить в этот список ряд положений, касающихся жизни именно святителя-миссионера. Это активная деятельность обучения грамоте и церковному писанию непросвещенных народов, перевод на их языки богослужебных книг, строительство храмов, постоянная борьба с природными стихиями и др. [4, с. 16 – 19]. Следует обратить внимание на тот факт, что большая часть слов, составляющих идеальный образ человека в агиографической литературе, в современной языковой картине мира частично или полностью утрачивают отпечаток сакральности и переходят в обиходное употребление (мудрый, хитрый, блаженный, святой) [6].

Итак, картина мира, эксплицируемая в жанре жизнеописания, формируется при помощи определенных контрастных характеристик. Религиозный художественный мир жизнеописания представлен в виде строгих ментальных и этических оппозиций: земное – небесное; истинное – ложное; обыденное – сакральное; любовь к Богу – страх перед Богом и т. д. Подобные антиномии являются, на наш взгляд, своеобразным каркасом, на котором строится содержательный план произведения. Мы постигаем сущность концепта не только через набор конкретных лексических единиц, но и через очевидное противопоставление таких признаков, вводимых в произведение как святость, послушание, детскость, духовное начало, с одной стороны, и гордыня, грех, зависть, непросвещенность – с другой.

Автор не просто вводит в текст данные антиномии, он наделяет их специфическими признаками, которые передают мировосприятие коренного населения. Ведь именно из жизнеописания мы узнаем, что в основе религиозных взглядов алтайцев-язычников прослеживается дуализм, то есть присутствие двух начал: светлого Ульгень и темного Эрлик.

Антиномии в тексте жизнеописания могут проявляться и косвенно, что видим в следующем примере: «И его спокойный и ясный голос *точно* обухом ударил подлетевших на конях инородцев» [5, с. 18]. В этом предложении словно три части, которые может выделить читатель, оперируя своим когнитивным опытом, полученным в результате прочтения данного текста: 1) спокойный и ясный голос Макария Глухарева; 2) дерзкие и грубые инородцы; 3) «точно обухом» – ключевое, на наш взгляд, сочетание слов к пониманию данного противопоставления.

В нашем сознании отчетливо выстраивается логическая цепочка: человек, причисленный к лику святых, наделен особой Божьей благодатью, особыми качествами, с которыми даже темное человеческое начало бороться не в состоянии. Это два разных полюса, и либо человек принимает учение миссионера, меняет себя, либо остается непросвещенным всю жизнь. Иными словами, через восприятие всех средств выражения концепта, формируется не только представ-

ление о святости, но и приходит осознание таких важнейших его компонентов как кротость, любовь, терпение, доверчивость, бескорыстие, учительство, гуманность и т. д.

Важным моментом, на наш взгляд, является то, что антиномии могут выражаться в тексте и в форме диалога [5, с. 24]:

– Зачем идешь опять? – забыв долг гостеприимства, сказал он (Борис) с ненавистью. – *Мне противно глядеть на тебя и речи твои мне постыли.*

– *А я тебя люблю,* – сказал с *кротостью* отец Макарий, и сел, по обычаю, на крылечко, со своими *кроткими* словами о праведном Боге.

Весь смысл, все учение Божие заключил автор в речь Макария. Через нее он словно передает основную Заповедь Христа о любви к своему врагу.

Таким образом, антиномии, выражающие концепт святости, прежде всего, репрезентируются через систему отношений элементов понятийной сферы, которые связаны между собой не только прямым, но и косвенным образом в рамках текста жизнеописания.

«Миссионерская жизнь – это дорога, бесконечные переезды, порой по местам необычно диким и непроходимым, в любую погоду, не взирая ни на что», – говорит автор [5, с. 28]. А для этого приводит в качестве достоверности своих слов свидетельства протоиерея о. Стефана Ландышева, преемника святого Макария по Миссии. В этих свидетельствах представлено поведение Макария Глухарева в борьбе с природными стихиями: «А молнии, все продолжавшие сверкать ослепительными змеями, освещали речную пучину; на лицах моих спутников было тоже выражение страха и нерешимости, и только этот маленький сильный духом человек дернул поводья своей дрожащей лошади, и та покорно скользнула с берега в воду... Я помню эту минуту и теперь, ясно помню... он слабый и не молодой показал пример нам, молодым и сильным; его лицо, освещенное молниями, было кротко и покойно» [5, с. 30]. Данный отрывок текста являет собой ёмкую антиномию, обрамляющую словесный каркас формирования в сознании читателя концепта «святость». Макарий Глухарев «слабый и не молодой» с кротким и спокойным лицом, в то время как его спутники достаточно молоды и сильны, но с выражением страха и нерешимости на лице. Или: «Имея невеличавую внешность и физически немощное, слабое тело, преподобный Макарий был человеком твердого духа, сильной воли и подлинной апостольской ревности» [7, с. 11].

Также рассматриваемый нами образ находит свое выражение в монологах, представленных проповедями святого, в диалогах миссионера с самим собой. Даже несмотря на то, что монолог – это одностороннее явление, автору через использование подобной формы удается нагляднее донести до читателя главную мысль.

Таким образом, в тексте жизнеописания концепт святости реализуется как прямо, так и косвенно. В тексте есть слова с прямым значением, которые непосредственно указывают на проявление святости, как правило, понятные читателю даже изолированно. Косвенное же восприятие требует от человека большого внимания и сосредоточенности, так как косвен-

ное выражение концепта святости возможно понять только в системе, а не отдельно взятыми фразами и словами. О косвенном представлении концепта мы уже говорили ранее, но не следует упускать из виду специфическую и устаревшую лексику, окружающую образ святости и текст жизнеописания в целом: склеп, рясы, аскет, келья, просфора, раскольник, семинария, кончина и т. д.

Прямое же воплощение святости представлено конкретными лексемами через описание внешности и духовного мира Макария Глухарева: «В семинарии инспектор Глухарев с его *бескорыстием, гуманностью, честностью* выгодно выделялся на общем фоне своих сослуживцев. Мягкий по природе, он чуждался всякой грубости и в свои отношения к воспитанникам ввел тон самый *дружелюбный, самый сердечный, ласковый, обнадеживающий*» [5, с. 7]. Отметим, что духовный облик святого выражается в тексте жизнеописания не только при помощи лексических и синтаксических средств, но и единицами морфологического уровня, в первую очередь благодаря словам разной частеречной принадлежности: «Он заметно выделялся и скромностью и вместе отсутствием всякого подобострастия... и простотой, и безыскусностью обращения во время служения, и особенно кротким и приятным выражением в чертах лица. В глазах его светилось искреннее, благоговейное настроение души» [5, с. 54].

Именно при описании внутреннего состояния миссионера наблюдается скопление лексем, выражающих его качественную характеристику. Как правило, это сосредоточение в одном простом предложении однородных определений, последовательно идущих друг за другом. Это свидетельствует о том, что концепт святости, являясь текстовой доминантой, включается в произведение и получает свое распространение в разнообразных лексических единицах. В тех же местах, где говорится о том, сколько трудов и ответственности возлагается на плечи миссионера, наблюдается сосредоточение существительных, выполняющих глагольную функцию: «Миссионерам приходилось заниматься всем: обучением вере и навыкам земледелия, преподаванием грамоты детям и взрослым, поставками сельскохозяйственного инвентаря, продовольствия и одежды, лечением и даже принятием родов» [5, с. 52]. Отметим, что обилие повторов союза «и» создает особое стилистическое восприятие фрагмента. Это усиливает восприятие слов в тексте, придает особую семантическую экспрессию и динамичность. Как справедливо заметил В. П. Завальников, это своеобразные «интенсификаторы», репрезентирующие значение неустанной работы святого не только над самими собой, но и усиливающие активную миссионерскую деятельность [6].

Заканчивая произведение, составитель не забывает отдать дань традиции. В заключении прописаны точные даты кончины преподобного, дни его памяти с последующим акафистом. Это происходит по причине того, что перед нами – церковная литература, которая сама диктует правила своего написания, ведь в текстах подобного рода раскрывается сущность не простого человека, а именно святого. Следовательно, мы видим зависимость лексических элементов, их связей и отно-

шений от коммуникативного намерения автора и общей целевой программы текста. С помощью такого понятия, как «святость» в жизнеописании отражается концептуальная картина мира, которая является результатом всей духовной активности человека.

Таким образом, мы видим, что существует ряд понятий, с помощью которых репрезентируются характеристики, определяющие человека и окружающие его материальные и нематериальные ценности. Совокупность этих единиц составляет семантику ментального мира. Так, в своих работах В. П. Завальников использует понятие языковой аксиологической доминанты, определяющее языковой образ человека применительно к житийной литературе. Это понятие «характеризует типичные, доминирующие качества личности святого. Это значения лексем, синонимических рядов, тематических групп, развернутых контекстуальных характеристик, определяющих личность святого и оценивающих его в определенном аспекте» [6, с. 30]. Для образа миссионера это такие доминанты, как бескорыстный, трудолюбивый, боголюбивый, смиренный, ангельский и т. д. В текстах современных жизнеописаний подобные доминирующие аксиологические смыслы часто вычлениваются на уровне развернутых описательных характеристик: «Высоко нравственный характер Макария, его строгость в отношении себя, постоянный и неустанный труд при больших лишениях, вызывали всеобщее удивление, а помощь местным жителям в их нуждах и болезнях доставили ему общую любовь» [7, с. 5].

Определяя языковую доминанту как аксиологическую, следует обратить внимание на ценностные по содержанию языковые характеристики образа святого. Ведь образ миссионера представляет собой строгий набор религиозных морально-нравственных установок, предписываемых древнерусским агиографическим каноном. Таким образом, мы имеем дело с прагматическим (оценочным) когнитивным компонентом семантики слова, словосочетания, фрагмента текста, текста в целом. А поскольку содержание текста воплощается вербально, то смысл художественного произведения может быть понят, прежде всего, через его лексическую структуру. Рассмотрение лексической структуры текста, то есть многообразия ассоциативно-семантических, логических и концептуальных связей и отношений элементов лексического уровня в перспективе текста (от отдельных высказываний до целого произведения) позволяет конкретизировать его семантику и смысл [2, с. 52].

О подвижничестве преподобного Макария свидетельствуют следующие ключевые лексические доминанты его образа – *строгость и требовательность к самому себе, молитвенные подвиги, довольство самым необходимым, глубочайшее смирение и самоотвержение*: «С молодых лет, приучив себя к духовной брани, он не угождал своей плоти ни пищей, ни сном, ни одеждой: жил в маленькой комнатке, в еде был постнически строг, зачастую по целым суткам вкушая лишь просфору и несколько чашек чаю, спал очень мало, в быту был скромен и невзыскателен, – пишет его биограф. – Личных вещей, кроме самой необходимой одежды, книг, чернил и пера, у него не было» [7, с. 16]; «Святитель стяжал дар умной сердечной

Иисусовой молитвы, был строгим монахом-аскетом, обладал большой духовной силой» [12, с. 340]. То есть, прослеживается еще один доминирующий признак образа святого – аскетический образ жизни, который находит свое воплощение в таких лексемах как *терпение, пост, кротость, воздержание* и т. д.

Смысл жизни преподобного заключался в просветительской работе, в служении истине. Поэтому и его образ жизни при большой силе его духа, отличается *смирением, простотой, бескорыстностью и доступностью* для всех: «Действуя по закону любви, он для себя лично ничего и не искал – напротив, сам отдавал ближним решительно все, что имел» [7, с. 106]. Как отмечал биограф архимандрита Макария Д. Д. Филимонов, «усвоив истинное значение Христианства и духа Христова, он шел непоколебимо к намеченной им себе цели...; чему он учил, что он проповедовал, то он сам выполнял и даже с большей строгостью..., нежели требовал или искал того в других. И будучи архимандритом, он носил не шелковую рясу, а плохонькую шерстяную, как самый бедный монах; не изысканным, не сытным рыбным столом возмещал воздержание от мяса, а довольствовался самой простой пищей. И не из фарисейства, и не из юродства поступал он так, а потому, что признавал как *искренно верующий*, что так должно. «Вера без дела мертва»» [7, с. 24]. Мы видим, что подобные синтаксические конструкции усиливают противопоставление мирских и духовных ценностей для святого человека, важнейшими из которых для образа подвижника веры являются вторые.

Огромное место в деятельности миссионера занимает учительство. «Свет Христов просвещает всех» [7, с. 103] – эти последние предсмертные слова отца Макария были девизом, программой деятельности и пасторским завещанием памятного Архимандрита, который постоянно стремился к нравственному очищению, самосовершенствованию, распространению идей Христа, идей добра, любви, света и истины. Отсюда берут свое начало и метафорические сравнения в тексте жизнеописания, показывающие роль миссионера как посредника между простым человеком и Богом: «За свою деятельность и благочестивую жизнь народ назвал его «Апостолом Алтая» и «Сибирским столпом Православия», «Белый клубок на Алтае!» [12, с. 340].

Обратим внимание на то, что в жизнеописании показано последовательное восхождение человека к святости. И одной из самых ярких доминант образа святого предстает вера, которая является центральной для любого религиозного учения. Вера является связывающим звеном между Богом и человеком: «Архимандрит Макарий при жизни своей... являл одного из...угодников Божиих. Все свойственные миру выгоды, самолюбие, житейское преуспеяние были совершенно чужды его благочестивой и честной душе. Вера, главное содержание преподобного Макария, давала направление и его характеру, и поведению, и отношению к людям» [7, с. 9]. Заметим, что в религиозной концепции веры прослеживается дихотомическое представление о любви к Богу и страха перед ним, что эксплицируется в семантической составляющей текста.

Читатель постигает смысл текста и образа, в первую очередь, через различные связи лексических еди-

ниц, поэтому они и имеют первостепенное значение для коммуникативной стороны текста, в частности, плана интерпретации. Лексическая структура текста – это основа к пониманию текста, это форма репрезентации семантического и смыслового уровня жизнеописания [2]. Вся эта сложная система гармонизируется на морфологическом и синтаксическом уровнях текста, которые находятся в отношениях взаимодействия и взаимообусловленности.

Таким образом, текст жизнеописания является системой, состоящей из избирательно вовлеченных элементов, которые различными способами и на разных

уровнях текста репрезентируют концепт святости. Выделенные нами языковые составляющие образа святого с опорой на лингвоантропологические исследования и экстралингвистические знания наглядно показывают репрезентацию образа миссионера в тексте как некоего образца поведения и носителя нравственных идеалов христианства. Языковая реализация образа святого проявляется в определенном наборе инвариантных номинативных смыслов, усиливающих восприятие этого образа и помогающих решить важнейшие задачи религиозного дискурса.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 1999.
2. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Н. С. Болотнова. – Томск, 2001. – 331 с.
3. Воркачев, С. Г. Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов: монография / С. Г. Воркачев. – Волгоград, 2005. – 214 с.
4. Грекова, И. В. Жанр жития и жизнеописания святого: проблема тождества и различия / И. В. Грекова // Наука и образование: проблемы и перспективы / мат-лы XIII Региональной научно-практической конференции аспирантов, студентов и учащихся: в 2 ч. – Ч. 2. – Бийск, 2011.
5. Жизнеописание преподобного Макария (Глухарева) первоапостола Алтая с акафистом. – Бийск, 2009. – 75 с.
6. Завальников, В. П. Языковой образ святого в древнерусской агиографии (проблематика взаимной обусловленности лингвистического и экстралингвистического содержания языкового образа человека в определенной социокультурной ситуации): дис. ... канд. филол. наук / В. П. Завальников. – Омск, 2003. – 162 с.
7. Зенина, С. В. Заря бессмертья блещет: из жизнеописания преподобного Макария Глухарева / С. В. Зенина. – Орел, 2007. – 160 с.
8. Казеннова, М. Н. Некоторые особенности бытования житийной литературы: вопрос эволюции жанра / М. Н. Казеннова // Церковь и проблемы современной коммуникации: сб. статей по мат. Междунар. науч.-практ. конф. (Нижегородская Духовная семинария, 5 – 7 февраля 2007). – Н. Новгород, 2007.
9. Карасик, В. И. Антология концептов / В. И. Карасик и др. – М., 2007. – 512 с.
10. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
11. Никитина, Л. Б. Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира: монография / Л. Б. Никитина. – Омск: ОмГПУ, 2004. – 148 с.
12. Святитель Макарий (Невский), митрополит Алтайский // Патерик сибирских святых. – Единоецко-Бричанская епархия, 2006.

Информация об авторе:

Грекова Инга Валерьевна – аспирантка Алтайской государственной академии образования имени В. М. Шукшина, г. Бийск, +7(3854) 412990, grekova-inga@mail.ru.

Greкова Inga Valeryevna – postgraduate student at V. M. Shukshin Altay State Academy of Education.